

Константин Хайт

УГНЕТЕНИЕ

Константин Хайт

Угнетение

«Издательские решения»

Хайт К.

Угнетение / К. Хайт — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-909543-5

«Это выплюнутые наружу метаморфические горные породы из моего жерла, лишь застывающего, лишь формирующего цельную красивую гору; это слова, которые могут рассыпаться, лишиться шарма и стать уродливыми, но которые вместе красивы; признания, до которых никому не будет дела... Я верю, что в этих зачастую интимных строках, зачастую запутанных, а зачастую банальных — коренится яркий сияющий огонь поэзии, и я верю, что в сердце читателя он способен загореться и породить нечто прекрасное, нечто живое».

ISBN 978-5-44-909543-5

© Хайт К.

© Издательские решения

Содержание

Вступление/Манифест	6
угнетение	10
1. Обрастающий скелет	11
Февраль	11
Сэцубун	13
Апология бездеятельности	14
Млекопитающие	15
Безмыслие	16
Одно из состояний	17
Курсивом	18
«Это какая-то дымка...»	20
Биография	21
Не люблю/Несчастье	22
Усталость – абулия	24
2. Неумелые метания	26
«Стих – это связь между физикой и метафизикой»	26
Упражнения в словоблудии	27
Завтра я уезжаю	29
Отъезд	31
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Угнетение

Константин Хайт

© Константин Хайт, 2018

ISBN 978-5-4490-9543-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вступление/Манифест

1

В поэзии не должно быть рифмы и ритма. Рифма отжила себя: все интересные комбинации уже испробованы, любая рифма будет предсказуема и, если покопаться в истоках, можно найти несколько сотен стихотворений с точно такой же. Компьютер может писать рифмованные строчки, структурированные по слогам. Можно сделать программу, пишущую ямбом, хореем, дактилем, амфибрахием – любым существующим классическим и неклассическим размером. Нужно быть выше машин, выше компьютеров. Непредсказуемо и интересно только то, что не подчинено подобным ограничениям.

2

Поэзия должна бить наповал, должна удивлять и приоткрывать завесу того, что скрыто в глубине человеческой души. Некоторые её проявления призваны законсервировать момент, сохранить его для будущих переживаний (хайку); некоторые – должны быть сортом внутреннего монолога с попыткой привлечь изнутри других участников, образовать внутренний диалог или полилог, что-то для себя открыть; некоторые – выражать накопившееся чувство, вмещать в себя непереносимые избытки слишком ярких переживаний; некоторые – вызывать эти чувства, отсутствующие в данный момент, быть попыткой разбавить воцарившуюся тьму и немоту. Любое стихотворение должно вызывать ностальгию, должно служить своего рода проводником между реальным и нереальным, между жизнью которая дана и жизнью, которая могла бы быть, между собой теперешним и собой потенциальным.

3

Поэзия не несёт никакой функции: она ничего никому не должна.

4

Поэзия не стремится к целостности, к непротиворечивости. Она «должна оправдывать жизнь», а жизнь – бесцельная, хаотичная, противоречивая, непоследовательная, аритмичная субстанция. Не надо врать – не надо пытаться сделать поэзию отличной от жизни.

5

Писать следует только о том, что интересно автору по-настоящему, в данный момент. Потом ему может быть за это стыдно, или безразлично, а читатели могут найти это банальным или, наоборот, совершенно непонятным (ведь банальным мы называем то, что абсолютно понимаем, что для нас абсолютно ново). Не стоит подстраивать стихотворение под читателя, думая ошибочно, что без него оно не будет существовать. Дерево существует без человека, который его распилит на костёр. Писать следует так, как того просит первый зов, возникший в сердце при взятии в руки пера и пергамента.

6

Единственный объективный критерий, по которому можно оценивать творчество – это новизна, уникальность. Можно найти количество употреблений того или иного сочетания слов во всей предыдущей литературе, можно с математической точностью рассчитать частоту использования данных тем и данных мотивов, контекстов, драм, противоречий. Нужно пытаться быть уникальным, пытаться сделать что-то новое и рассказать об этом своим языком... Но если мы живём банальную, простую жизнь – то не стоит изгибаться змеей и выду-

мывать о ней неподходящие, лживые эпитеты, поэтические обороты: выбирая между истиной и красотой, следует выбрать истину.

7

В проносящемся трамвае вечером под дождем, в разговоре двух проводников в поезде дальнего следования, в мертвом коте на обочине дороги куда больше поэзии, чем во всех когда-либо написанных словах. Слова умирают, чувства притупляются, заменяются одно другим, люди, когда-то считавшие какие-то максимы несомненными, умерли, другие еще не родились – но дождь вечен, смерть вечна, движение вечно. Я не творю дождь, поэт не творит смерть, но в своих словах он может попытаться создать приближенные к реальности модели. Он может претворить свои сокровенные фантазии, а может и не претворять...

8

Поэзия не должна быть рутинна, не должна по-обычному описывать обычные вещи, а если и описывает, то должна делать это с необычной точки зрения. Нельзя давать кухарке писать стихи про детей, нельзя позволять токарю на заводе писать стихотворения про токарный станок, нельзя, чтобы машинист писал про поезда. В поэзии не должно быть профессионализма, не должно быть прагматизма, поэзия – это место для приёма божественного наития, это поддон, разложенный на земле для ловли чего-то внеземного. Сталевар должен писать о звездах; астроном – о футболе; футболист – о варке чая; повар – о плантациях в Испании, где он никогда не был... Поэзия – это элитарное занятие, не каждому доступное, не для каждого открытое.

9

Как давным-давно заметили, «мир прекрасно обошелся бы без поэзии, еще лучше он обошелся бы без человека». Поэзия не нужна – без неё можно жить и многие без неё живут. Для того чтобы её сочинять нужен талант. Для того, чтобы воспринимать – тоже, отдельный. Один человек может писать прекрасные стихи, но быть совершенно неспособным их читать, и наоборот. В первую очередь стоит понять, есть ли у человека талант. Если его нет – врожденного, выстраданного, если нет навязчивой бессознательной необходимости чувствовать, страдать, писать – то поэзию следует бросить и никогда больше к ней не возвращаться. Задевать вскользь в беседах, работать учителем литературы, направляя в её мир своих учеников.

10

«Молитва перед концом времён – это и называется поэзия»

11

Поэзия – это отчаянная попытка жизни, о которой гредишь, проникнуть в жизнь, которой живёшь.

12

В борьбе со стыдом, возникающим при написании или прочтении того или иного стихотворения, стоит напоминать себе о существовании лирического героя, в чью биографию можно вложить самые постыдные детали, а в чьи суждения – самые абсурдные слова. Я прибегал к этому часто, от первого лица произнося фразы, с которыми ни капли не согласен; давая лирическому герою достигнуть полюса какого-либо чувства, сам при этом оставаясь точь-в-точь на линии экватора.

13

В основании любого творчества лежит сублимация: перенос на бумагу баталий, которым не суждено случиться в реальности. Враждуя со всем миром, боец должен иметь право победить его в творчестве. Поэзия позволяет сводить счёты.

Красота, рождаемая, по сути, тою же поэзией, поэтическим взглядом и чутьем, есть борьба против уродства. В журчании волшебного ручейка поэт ищет справедливость, не найденную в мире людей.

14

Человек изначально пуст: рождаясь, он ни знает ни слов, ни понятий. Когда ему объясняют, что одна вещь называется так, а другая иначе, он всё принимает на веру и без вопросов смиряется. Это не поэзия. Наименование вещей, присваивание им слов – не поэзия, поэзия рождается не между объектами и словами, а между словами и тем, как мы их воспринимаем в голове. Поэтому поэзия не может безболезненно переводиться. Поэтому важно чувствовать слово. Можно знать хоть сто тысяч разных слов, старых и новых, но использовать их невпопад, не чувствуя их гармонию, скрытую ритмику, собственные интимные взаимоотношения...

Читать много важно для того, чтобы, во-первых, понимать, что уже было написано и о чём писать не стоит, а во-вторых, чтобы выработать вкус, эстетику и подсознательное чувство уместности, подсказывающее, что писать стоит, а что нет.

15

Поэзия это не ремесло. Её невозможно совершенствовать, просто упорно трудясь, как невозможно её совершенствовать, читая обучающие пособия или посещая лекции именитых литераторов. Совершенствовать свои труды, позволять своему духу рождать более полновесные и интересные образы можно лишь с помощью совершенствования себя. Страдания – верный путь к развитию поэзии. Любование красотой мира и страдание от невозможности с ним слиться, достичь максимума понимания красоты... Страдание, в первую очередь, от собственной неполноценности, от изъянов, обнаруживающихся в каждом мимолётном взгляде на собственную сущность.

16

Для меня этот сборник – попытка распрощаться с юностью, подытожить один жизненный этап и дать возможность расти в чистоте другому. Я хотел попытаться таким образом сбросить с себя весь багаж первых шагов жизни и попытаться начать новую, свежую. Я мало видел, мало чувствовал, мало жил по-настоящему: но эти стихотворения – то, что я смог вынести из пожара этих лет, то, что от них по итогу сохранилось.

За этим произведением последуют и другие, – но они будут написаны другим мною. Это переходное произведение, стоящее на стыке. Это произведение-дверь, закрывающее старое и открывающее новое, посвященное угнетению, которое давило на меня и которое, я надеюсь, давить перестанет. Я выхожу из тесной комнаты общежития, где меня растили, делаю шаг и оказываюсь в дышащей, непредсказуемой, опасной свободе, природе, не подчинённой требованиям безопасности и комфорта.

Это – воспоминания о той комнате. Это выплунутые наружу метаморфические горные породы из моего жерла, лишь застывающего, лишь формирующего цельную красивую гору. Кусочки смолы, окаменевшие в моей душе в янтарь; это попытка немного проронить звук, попытка бесплодного родить ребёнка, попытка инвалида пробежать марафон. Это никому ненужные эпистолы, с бессмысленными деталями; это слова, которые могут рассыпаться, потерять магию, лишиться шарма и стать уродливыми, но которые вместе имеют красоту; признания, до которых никому не будет дела. Я верю, что создал поэзию. Я верю, что в этих зачастую интимных строках, зачастую запутанных, зачастую бессмысленных, а зачастую банальных –

коренится яркий сияющий огонь поэзии, и я верю, что в сердце читателя он способен загореться и породить нечто прекрасное, нечто живое.

17

Любое искусство является искусством лишь тогда, когда отвечает на базовые, актуальные для автора вопросы бытия. Не на те, на которые ответили уже пятьдесят лет назад, не на те, до которых и спустя пятьдесят лет никому дела нет, а на важные, первостепенные, неотложные вопросы сегодняшнего дня.

18

В стихах, по большей части, должны быть чувства и неприкрашенные наброски чистого восприятия. Не мысли. Размышлять в стихотворении, выстраивать логические (отвратительные) цепочки, сверяться с культурными и языковыми контекстами, старательно и специально изобретать новые смыслы – дело фабриканта, который желает продать свою продукцию подороже; старательно избегать себя, самоуничтожаться, выходить за пределы своего «я» – только чтобы быть уникальным, самобытным, небанальным – тоже дело рук того же коммерсанта, которому нужно продать свою продукцию подороже, дело, неблагодарное для поэта, непоэтическое...

19

Поэзия – это непрекращающаяся жизнь, бесконечная сказка, чудо, заключающееся в каждом моменте солнечного, пьяного бытия. Поэзия – это сомнение, не выливающееся в сформулированные вопросы, это проблемы, которые невозможно решить и понять, это ускользающий из-под пальцев нож, вонзённый в сердце, который невозможно оттуда достать.

20

Поэт злопамятен, чувствителен, раним и мстителен. У него много грехов и это благодать, если они насыщаются словами.

21

Этот сборник мог бы быть длиннее, в нём могло бы быть больше написано и больше помещено. Я мог бы дополнять его бесконечно, ибо ресурс – угнетённость – для меня неисчерпаем, я мог бы писать по несколько стихотворений каждый день, превратив его к концу жизни в огромный непереносимый монолит, где тем не менее каждая строка будет оправданной, нужной, важной в контексте культуры... Я остановился на написанном без какой-либо причины, как без причины умирает и рождается человек, как заканчивается в нём терпение и он показывает истинного себя.

Все помещённые сюда стихотворения имеют скрытые связи, переплетаются и взаимодействуют друг с другом как хорошие друзья: как выставленные за дверь гости, ищущие путь к своей собственной вечеринке. Я надеюсь на то, что они будут продолжаться сами, что сборник этот будет непрестанно развиваться – но уже не из-за моего воздействия, а из-за воздействия читателя, который приложит его к своей жизни и дополнит своими переживаниями.

угнетение

Моё окружение заставляет меня усомниться
в осмысленности написания чего-либо, кроме цифр,
списков, работ. Стол говорит: разве для этого
я был сотворён работягой-столяром,
выточен чистой машиной на чистом заводе?

Лампы ноют, просят прекратить... Плохо пахнет от
мусора под столом: он хочет активных перемен, действий,
упрекает меня в том, что я трачу время на это.
Кружки спрашивают: не будет ли стыдно тебе
за то, что время потратил впустую, за то,

что нарушил покой и в себе и снаружи, за все эти
жидкости, что выходят из тебя и зовутся тобою
«поэзией»? Стул так сладко входит со мной
в гармонию, так уместно сливает меня с
натюрмортом, что убеждает взглядом сделаться частью.

Я – страдательное причастие, я глагол
сослагательного наклонения. Невежественный
полиэтиленовый пакет, вздумавший понять основы
физики далеких звёзд. Всё это не по-настоящему,
всё сделано неумело и пародично, словно

мебель для кошек. На кошек у меня аллергия.
Я всюду лгу, даже мои грёзы
бывают ненастоящими. Я пуст, ничтожен, невыразителен,
я – скелет, сквозь который просачивается даже вода,
но я обрастаю, становлюсь лучше под действием

внешних сил. Картофельный крахмал размягчает
кальций в моём составе, делает его
хрупким... Я рассыпаюсь, удаляюсь.
Это всё не нужно, это лишнее, я мешаю
себе и вам плыть по течению и радоваться жизни.

Если бы я молчал, всем было бы лучше. Вершина
моих мечтаний – лежать на кровати и ни о чём не думать,
отключиться, развязаться, успокоиться. Этот сборник —
ошибка, предательство, провокация. Неделанные,
половинчатые меры. Жалкий ленивый труд. Простите.

1. Обрастающий скелет

Февраль

Я застрял в Феврале – в этом месяце когда ничего не чувствуешь, когда ничего не видишь кроме своей пустоты, ничтожности, жалости.

Когда ты растекаешься подобно луже и не находишь сил собраться вновь —

Как спортсмен, обессилев, пытается поднять очередную штангу, Но не может и впадает в отчаяние, бьется головой и бежит из стороны в сторону – только тут нет сил бежать.

Я не чувствую ничего и меня грызет подозрение что я ничего и не могу чувствовать,

А глядя на детей во мне пробуждается гнетущее чувство зависти, почему они веселятся, а я нет.

Видя перед собой книгу мне не хочется ее читать, потому что я не верю что смогу что-то из нее узнать.

На улице делать нечего там мрак там серость там слякоть снег и люди,

И люди эти такие же как я: потерянные, ждущие заблудшие души, и им тоже грустно и им тоже плохо,

Но они себя убеждают что им хорошо, продолжают суетиться, продолжают работать и жить.

Я тоже продолжаю, но еще сильнее я начинаю вгрызаться в себя, И это вгрызание обнаруживает отсутствие почвы – бур проваливается в воздух и звоном отдается пустота в голове.

Я все чаще и чаще думаю о будущем: как я все брошу, как начну жить настоящей жизнью,

А оглядываясь в прошлое я понимаю, насколько ничтожным оно было, насколько гладким.

Мне нечего рассказать, совершенно нечего, мне нечего сказать и я чаще всего молчу.

О чем говорить если все бред, о чем думать если все бессмысленно, зачем играть и притворяться если все это никак не поможет избежать смерти и отчаяния.

Сколько раз я приходил к экстазу, творил, думал, словно я настоящий человек, словно я сверхчеловек,

И сколько раз я спустя пару часов или ночь оказывался вновь разбитым и разбитым еще более.

И как потом отчаянно пытался вернуть это состояние и всегда пытаюсь,

Неужели так делают не все? Разве все не пытаются вернуть то состояние которое у них было когда-то а теперь его нет и которое они называют экстазом?

Я не могу писать по нескольку дней потому что я не верю что найду стоящие слова.

А когда я все-таки собираюсь, мне приходится тратить все больше и больше времени чтобы сосредоточиться и отойти от вечной рефлексии.

Перечитывая свои старые записи, я вижу лишь бред десятилетнего ребенка, избалованного хорошей жизнью,

А хочу я видеть слезы, хочу видеть крики и вопли, хочу обжечься горечью жизни.

И что хуже всего это то что мне надо делать дела которые я делать не хочу, мне надо тратить на них время и главное внимание,

Мне надо идти туда где я совершенно не желаю быть, притворяться ненавистным мне человеком и пытаться действительно стать им.

А когда не получается – грустно затыкать этому человеку рот и все равно не осмеливаться даже в мыслях побыть собой...

А где я вообще настоящий? В душе, когда под холодной водой стою расправив руки и как мне думается наслаждаюсь жизнью, настоящей;

В постели, где я ощущаю себя богом, где я держу в руках всю полноту своей власти, где я подчиняюсь лишь Морфею и притом с радостью;

А может быть за письменным столом, среди мусора, книг, кружек и бумаги, пытаюсь вывести эти строчки?

Но ведь все эти книги, ручки, бумажки и кружки мне не принадлежат и никогда принадлежать не могут:

Они чужие, они инородные и между ними я чувствую себя некомфортно,

Как будто бы я и вправду ребенок, которого мама оставила в незнакомом месте среди незнакомых людей.

Я сижу на стуле и думаю что я могу сделать но не получается придумать ничего.

А в голове повис тяжелый туман, опускающий сознание на самое дно черепной коробки, прижимающий его и унижающий.

Я не могу делать чистые дела потому что не хочу, потому что есть еще несделанные дела важные.

Но и их я делать не могу потому что мне кажется что не достиг нужного состояния миропонимания.

И получается так что я просто сижу перед сине-белым экраном, слушаю музыку и стараюсь не думать что уже начало хорошо получаться...

Февраль 2016

Сэцубун

Уже где-то
Пришла весна,
А я здесь
Поедаю
Запасы своей души.

Как медведь,
Я сплю
Мой дух спит,
Чувства спят,
А надо просыпаться...

Мне хочется
Заснуть,
А проснуться
Писателем,
Которого признали.

Усложняю себе дорогу,
Ищу неприятности,
Забываю про красоты —
Сразу видно,
Что я не взбираюсь на горы...

Я выжат, я пуст,
Каждое слово
Приходится где-то ловить:
Из нутра
Не идет ничего.

Хотелось бы мне
Быть вишней,
Чтобы сейчас
Зеленеть почками.
Но я человек...

В феврале
Хочется умереть.
Для защиты
Пропадают чувства,
Пропадают слова...

Февраль 2018

Апология бездеятельности

Оправдывать существование только тем, что дышу:
изолировать остальные органы, мышцы, сознание, сердце, душу —
стать легким: то надувающимся, то сдувающимся сгустком мяса.

Ворочать свое тело, перетаскивать его тяжесть с одного места
на другое:

так тяжело выполнять эту вечную рутину, чувствую себя
шахтером на шахте, добывающей грязь, который пытается
устроить забастовку, но никто его не слышит.

Просыпаюсь с какой-то сладко горящей мыслью о чем-то, что
хочется уловить:

сон, ускользая, легкими своими крылышками цепляет меня, желая
утащить с собой,

но я слишком тяжел, слишком неподъемен, бесформенен и глуп.

От часов тянется зеркало прямо к моим внутренним глазам,
оно заставляет меня смотреть на себя, познавать свое уродство,
углубляться в него,

и ничего не делать. Вечное прозябание, профукивание жизни,
житие случаем, а не моментом.

Мне трудно это оправдать. Подыскивая подходящие слова, я бы
апеллировал к старости,

которая уже гнездится в моем молодом теле: все старики,

что ходят вокруг, заставляют меня думать о том, что и я таким
стану.

Моя лень коренится в обыденности, в затухающем мире, что меня
окружает —

вините его. Я вижу тлеющие угольки, мечтаю о взрывах, но мне
слишком страшно

подносить динамит. Мне хочется верить, что все случится и без
него.

Вините мое пропащее воспитание, мою среду, которая
не располагает к творчеству,

вините всех тех людей, которые хотят увидеть меня не тем, кто я
есть,

тех, кто имеет смутную идею, топор и полную моральную
убежденность меня покровсать.

А я буду винить себя...

Январь 2018

Млекопитающие

В нашем изолирующемся, саморазрушающемся
(самыми современными инструментами перемалывающемся свои
внутренние органы)

обществе существует потребность доказывать,
что то или иное животное обладает чувствами, может мыслить,
испытывать боль, страдать.

Я – корова, или коза, или свинья, или курица, или рыба, или
осьминог, или кто угодно еще, кроме вас —

ибо вы не знаете, что я чувствую, что я страдаю, что я испытываю
боль.

Мне нужно доказывать это вам. Я не такой, как эти животные,
которых

вы едите: я не такой благородный – мне нужно вам доказать,
что я страдаю больше, чем вы, и серьезнее. И я докажу.

Январь 2018

Безмыслие

В боли дисгармонии с собственным языком,
в косноязычии гуляя по улицам умершего города, пытаюсь его
воскресить,
я чувствую себя молекулой гелия в душной атмосфере завода,
зажатой со всех сторон газами, людьми и обстоятельствами,
которая хотела стать звездой.

Обязательства крюками вытягивают из меня плоть,
вытащили: сердце, где гнездилась любовь, где чувства
наводнениями формировались и топили всё; мозг,
с его суровым аналитизмом, со способностью разрушать сущее
силой мысли;
легкие, вздувающие меня то к небу за блаженством, то к аду
за осознанием; кожу, глаза, откуда я мог лицезреть и трогать
красоту; ноги и руки, дающие мне возможность двигаться
и не тонуть;
волосы, чьи волокна улавливали антеннами волны Вселенной.
Я растащен на куски, а первоначальная пустота, оставшаяся,
хоть и даёт гармонию своей немотой, хоть и приближает к нирване,
без забот, тревог и мыслей, – но отдаляет меня от цели, к которой
я хочу.

Возможно, я и правда живу десятую жизнь —
и в своем долгом пути уже настолько отрешился от забот и чувств,
что то зловещее ничто, пробуждающееся во мне всё сильнее,
есть закономерная реакция на тяготы длительного перерождения.

Всё время хочется спать; а, уснув, боюсь просыпаться,
ибо, проснувшись, всё начнётся сначала. Яркий мак,
прорастающий периодически на внеземных обломках
меня, очень быстро гаснет, меняет свой цвет и осыпается
прахом. Будь я ребенком,
моя почва была бы поплодороднее.

Февраль 2018

Одно из состояний

Я вкопан вертикально под землю,
с нею соединен, слившись частицами,
торчит лишь макушка. Песчинки
стали частью меня, раздув и расширив
горизонты моего существа.

Февраль 2018

Курсивом

*«Тебе всего 17 лет, Рембо,
так почему же
ты пишешь о чувствах, любви, свободе и
жизни?
Разве ты её видел?
В свои 19 лет ты бросил писать,
в тот возраст, когда люди только начинают
сушить молоко у своих ртов.
Поживи ты подольше, ты бы понял,
в чем истинная суть всех вещей.»*

*«В 40 лет жизнь только начинается:
весь предыдущий опыт позволяет
сформировать целостную картину мира,
не быть пустословным,
размышляя о нём.
Мне смешно,
когда ты говоришь,
что в 22 кончается молодость
(ведь я, значит,
уже неудачник?!). Ты глуп,
иди, живи, и ничего
пока не делай. Не говори,
ибо ты еще не созрел.»*

*«Ты еще ничего не видел
не работал на одной работе двадцать лет, ожидая подачи
начальника,
не общался с одними и теми же людьми, которых в тайне
ненавидишь, потому что больше не с кем,
не проживал каждый день как один так долго, как я,
не брал квартиру в ипотеку,
не подлизывался бюрократической системе разваливающегося
государства,
не ненавидел себя настолько, чтобы, спасаясь, разучиться
чувствовать вообще,
не ощущал пустоту настолько глубокую, что даже не хочется
умереть.»*

*«Просто живи
не думай, не говори, не делай,
зрей – и жди
пока исполнится 40 лет,
чтобы я мог воспринять тебя всерьез.»*

Февраль 2018

«Это какая-то дымка...»

Это какая-то дымка,
скрывшая то, что во мне. Говорящая:
это плохо, это ужасно, ты
поменяешься, обретёшь другую точку зрения
и тогда поймешь. Пока лучше не делай. Нас
много вокруг, мы зудим, раздражаем
тебя; ты не индивидуален, ты – пирог,
мы тебя разъедем
кислотой своей слабой мысли.

Апрель 2018

Биография

Я уже мог бы составить толстую биографию своей жизни. Мог бы детально углубиться в каждый её эпизод, из каждого извлекая фабулу и мораль. Что-то преувеличил бы, где-то приврал... Придавал бы большое значение пустякам. Внешним факторам дал бы роль гончара, ваяющего мой внутренний мир. Превратил бы обстоятельства в суровую школу; окружающих людей – в поводырей.

Я бы придерживался отстранённого языка, паря над происшествиями, паря над собой прошлым. Сюжет бы сплетался в конструкциях двоемирия, везде были бы вкраплены отсылки... Описывал бы фон, давал портретное описание действующим героям. Во всём этом был бы какой-то прок, если бы, описывая события, я бы описывал жизнь. Но жизнь

всегда происходила где-то рядом: в моих размышлениях ни о чем, в поисках неизвестно чего. Я искал её и ищу до сих пор. Описывать ни к чему не приведший путь незачем. Лучше писать, каким он мог бы быть, если б куда-то привёл...

Апрель 2018

Не люблю/Несчастье

Я не люблю надуманно счастливых людей, тех, кто что-то делает для того, чтобы почувствовать себя хорошо, кто говорит: «я хочу веселиться, хочу радоваться, хочу не думать, а просто жить...» Не люблю тех, кто увеселяется, кто по праздникам празднует, кто пьёт, когда пьют другие, кто смотрит салют, кто ходит на концерты, кто слушает музыку, чтобы поднять себе настроение. Не люблю людей, ставящих выше всего юмор, позитив, оптимизм.

Не люблю легко плывущих по жизни, смиряющихся, улыбающихся тупо. Не люблю тех, кто переживает и суетится из-за поверхностных вещей, из-за насущных переживаний, а не вселенских. Терпеть не могу тусовки, вечеринки, клубы. Не люблю кайф, рождённый в толпе, в движении, в забытии. Разделенное счастье — уже не счастье. Не люблю вас, говорящих о жизни, а стремящихся к спокойствию, к бессмысленному перетеканию, к наслаждению собой и миром.

Счастье истинно лишь если оно добыто в борьбе, если, добывая, страдал, оставшись один; счастье прямо пропорционально испытываемым страданиям. Я хочу, чтобы вы устремились к несчастью, чтобы вы грустили, плакали, скорбели. Чтобы задумались о природе гравитации и упали так низко, как только материя позволяет упасть... Хочу, чтобы вы думали о каждом своём шаге, слове, чтобы вы почувствовали себя в страшном долгу у Вселенной, осознали всю степень своей вины и пытались её искупить.

Хочу, чтобы Бог не давал вам покоя, не давал вам заснуть, терзая за невидимое сердце. Вы будете кроткими, как листья, вы прижмётесь к земле, возрыдаете и, немного придя в себя, начнёте неистово думать, как это всё проживать... Каждый шаг будет результатом напряженных усилий разума, души, сердца. Вы перестанете волочить своё тело, уговаривая его дать мозгу лишней грамм хорошего настроения, прозрения, идей, решимости, вы начнёте летать, как летали птицы, с их бесконечной меланхолией в глаза.

Вы, молодые, такие жалкие, тупые, – лучшее,
что можно сделать в вашем положении – это грызть
пустоту внутри, работая зубами так,
как будто вы выгрызаете себе воду для питья;
выблеивать от утомления наполнение для своей души,
продолжать. В вас много сил, энергии – приложите их
для чего-то большего, чем для счастья, превратите
эту энергию в плотоядного червя и запустите
её внутрь себя, сделайте её взрывчаткой
и взорвите что-нибудь, убейте в себе гедониста.

Май 2018

Усталость – абулия

Я так устал...

Просыпаться в двенадцать часов дня, ложиться в час ночи, но чувствовать себя вечно усталым, вечно хотеть спать. Устал, засыпая, чувствовать в ногах отделяющееся от меня существо: «страх», лежащее рядом, нагое читающее мне пошлые сказки. Ничего не хотеть надоело, не думая ни о чём, понимая, что на вопросы из разряда «что тебе нравится?» мне нечего ответить, потому что в глубине души мне абсолютно всё равно. Я готов уже спать на полу, есть лишь рис, пить лишь воду, не мыться, ходить в туалет под дерево в парке, не читать, не писать, общаться лишь с теми, кто сам заговаривает со мной – потому что всё убеждает меня в бессмысленности мечтаний о чём-либо большем.

Пространство как будто бы ополчилось колючими унижениями на меня со всех сторон, я боюсь сделать лишний шаг, ожидая кары, застающей меня врасплох. Пространство и время ругают меня, когда я делаю что-то не то, а законы их я не понимаю. Лишь когда сплю они расслабляются, улыбаются, оставляют в покое. Я сплю большую часть жизни, всю остальную часть что-то делаю, чтобы лучше поспать, мне страшно жить, мне страшно бороться, и сердце в груди своими обозначенными контурами кричит мне о том, что лучше просто лежать, чем куда-то стремиться...

Я не человек —

я слуга своего тела, его потребности оказываются важнее, чем мои собственные. Я ещё ни разу ему не отказал: хочет ходить – иду, хочет есть – ем, хочет спать – сплю; оно наказывает меня, если я не подчиняюсь. Собственным желаниям постоянно отказываю: еще не покорил ни одной горы, не летал, не издал книгу... Тело – это вирус, совершенно незаметно поразивший всё человечество: каждый индивид заражён, девяносто девять процентов уже больны. Нужно отказывать ему, нужно бороться с его тяготеющим гнётом... Иногда я не могу говорить даже слова, даже в словах оказываюсь порабощён и слаб, страдаю от нерешительности действовать, от недостаточной мотивации. Какая разница куда свернуть, что сказать, что сделать? За действиями не следует нужных последствий, в жизни куда более слабые причинно-следственные связи, чем в литературе или кино... Очень тяжело сопротивляться

иррациональным, нелитературным посылам,
тянущим меня не туда... Я очень устал...
В этом мире, где всё подчиняется вредным законам,
где цели мои недостижимы, я не выживу,
потому что здесь мне незачем жить.

Май 2018

2. Неумелые метания

«Стих – это связь между физикой и метафизикой»

Не имея должной цельности мыслей,
выдаешь бесструктуру за бред
(имеющий несомненную пользу в постмодернистском
пространстве).
Ты ничтожен, жучок,
мне становится грустно глядя на твои маленькие слезоточивые
глазки,
как ты выдаешь свои глупые рыдания за пафос трагедии,
а свои ночные походы по впискам к подросткам – за исследование
фронта жизни.

Жалка твоя ирония, относящаяся к тем кто развивается,
к тем кто недостаточно грустен как ты.
Свою грусть ты считаешь самой важной – я тоже.
Но чья важнее, моя или твоя?
Я скажу – моя – и здесь ты мне не сможешь ничего возразить.
Ибо здесь, на этом листе, у тебя нет никакой власти, ты – ничто,
еще большее, чем в реальной жизни,
где нет слов.

И зачем я это пишу?
Может, лучше и не писать.

Июль-Август 2017

Упражнения в словоблудии

Рябины ветка золотая свисает с нежного пируэта движения соков
в своем стволе,
яблоневые плоды дозревают под нисходящими сверху листьями,
лишая их
сока. То же самое со смородиной: желтые листья завяли,
красные ягоды блестят, если на них светит солнце.
Блещающие способности человека ограничены:
даже если солнце засветит, он не будет блестеть.
Пробудить солнце в своей душе – стать в этом похожим на
колокольчик в поле, который пробудил в себе фиолетовый цвет.
Писать в одну строчку на тоненьком – четыре миллиметра —
листке бумаги, распростершимся на десятки метро в длину,
чтобы потом тебя кто-нибудь съел,
чтобы ты сам мог съесть все собою написанное
и ощутить это нутром – если не ощутил ни до,
ни во время письма – ощутишь после.

Беспросветность сумерек одиночества даруемого славностью
Рождества,
праздника, любого, который приходит,
лишь смутно бросая взгляд на тех, кто по-настоящему страдает,
и упиваясь теми, кто не знает мук —
ибо Праздник сам когда-то страдал и ему тошно смотреть на себе
подобных.
Такое состояние: словно море выбросило на берег кита,
а тот запутался в ветках плакучей ивы,
которые почему-то обладали шипами и вдоль которых цвели розы.
Такое состояние, когда хочется говорить все как есть —
но ничего нет и приходится выдумывать.
Все время приходится выдумывать, и тот, кто выдумывает больше,
превосходит того, кто выдумывает меньше.

Прогуливаясь по магазину нужно как можно больше набрать
в корзину:
иначе продавец будет возмущенно смотреть, мол,
почему бы не понести все это в руках,
и обрадуется если взять пакет и сложить все это туда.
В этом мире слишком много поэтов – и слишком мало поэзии,
но я ее воскрешу: не качеством слова, не качеством мысли, но чем-
то посередине,
между «т» и «о» в слове «то» – там, где и хранится поэзия данного
слова,
я нашел свое прибежище и отсюда и буду ее воскрешать.
Я воскрешаю ее прямо сейчас, когда пишу эти строки и когда
думаю:

реки счастливое течение рыже-компотного цвета, что движет ее
сквозь леса,
позволяет говорить о «реке» даже в тех местах, где нет воды –
но есть идея,
значит идея превыше материи, но
шутки про это будут шутить и после того как все прояснилось.
Ибо люди тупы – а еда для них – тупой юмор,
как еда для гвоздя – тупой молоток, что забивает его все глубже
в плоть.
Я стою на скале, полной ручьев, я внимаю себе и не знаю слов —
мой покой – это тень – нарисованная художником без рук,
он рисовал зубами, а смотрю я глазами и не вижу себя,
ибо покой – это место где нет меня. Яблоня
стоит, подпертая в саду палкой и ее колеблет ветер,
но ветви не должны упасть, мне сказал дед, потому что мы ее
подперли.
Через месяц будут яблоки – но они и сейчас есть,
просто их нельзя есть. Если я съем, меня изгонят из ада?
Прочитать Библию.

Июль-Август 2017

Завтра я уезжаю

Завтра я уезжаю,
уже началась
моя последняя ночь здесь.
Я сижу и хочу спать.
Я не спал всю ночь, думая о совершенной ерунде,
не имеющий никакого касательства к моей реальной,
чайковской жизни. Я думал об Ане, об Юре, о голоде и о стихах,
я сочинял такие строки: «Я утонул в твоей любви,
как рыба – в воздухе,
вознесшаяся слишком высоко» – я думал,
что во мне проснулся поэт, я хотел
свести себя окончательно с ума, чтобы не испытывать боли
расставания
больше никогда и ни с кем и ни с чем.
Я думал о главном расставании, которое мне готовит жизнь:
о расставании с жизнью, о светлом вертикальном столбике
сознания
что колыхнется в моем теле – что и является «мной» и кому
принадлежат
все «мои». Я плакал, потому что не хотел умирать.
Как ребенок: я снова переживал момент откровения,
и становился другим.
А сейчас мне страшно.
По техническим мелочам: кто будет моим соседом,
как я поведу себя среди незнакомых людей,
что делать в Санкт-Петербурге – я уже тону
в этой суете,
как рыба в воздухе...
И солнце, которое зашло – и чай, который мне заварили а я
не выпил —
все это прошло мимо меня, уже стоящего на рельсах,
уже катящего свой состав по направлению к городу. Я думаю,
что будет,
если на подъезде к Питеру
я увижу ядерный гриб:
вырастающий из маленькой шоколадной коробочки словно
коралловый риф в ускоренной съемке,
что будет,
если наш поезд продолжит двигаться
по направлению к моим сгоревшим родителям и друзьям, а я
буду в этом поезде, и его снесет
и все, что у меня будет – это флэшка со стихами, которую не на чем
воспроизвести.
Я был бы рад, если бы в момент, когда Питер разнесет
на радиоактивный пепел,

я был здесь, и слушал истории деда о том, что пепел от сигарет
раньше сыпали в раны и они хорошо заживали.
Я уходил в лес, сжигал бревна и думал,
неужели любой огонь – разведенный то тут, то там,
от газа или от зажигалки, от бензина или от освежителя воздуха —
это часть единого Огня? А луна?
Она та же там, в Питере,
что и здесь, прощающая меня за то что я ее забываю?
Не знаю.

Июль-Август 2017

Отъезд

Отъезд.

Уже?!

В последнюю ночь я заметил, что пишу как тупые юные женщины,
и большую медведицу прямо над домом соседей напротив,
белым, который переделывают в новый фасад, утепляя
и где всегда горят зажалюзовые окна на первом этаже,
часов до двух-трех. Скоро сяду в вагон,
поздороваясь (или нет) со своими соседями.

А вдруг они меня убьют?

Я не пишу: вдруг их убью я —

я знаю, что нет, ибо сил мне не хватает даже на то,
чтобы молча справиться с отъездом или чтобы должно его описать.

Переходит из одной строчки в другую
стержня, струи невидимая связь —

я пишу верлибр без разделения на строфы,

я пишу абзацы, разделяя ими любовь.

Я вижу любовь как колбасу между двух слоев бутерброда:

вот я – вот Чайковский – а вот между нами колбаса.

И время – вегетарианец, который ест только булку.

Ах – было бы слишком романтично!

Если бы было так. На деле же

я слабый испуганный мальчик,

боящийся ехать один.

Боящийся встречаться с людьми, которым когда-то наговорил
гадости,

боящийся идти в школу и снова отвечать у доски,

боящийся что снова будет бояться писать, снова будет целыми
днями тушеваться

в приступах неведомой хандры.

Пойду погуляю.

Уже погулял.

Давно.

Сижу, думаю о жизни.

Снизу смотрят телевизор.

Могу обойти огород,

посмотреть, как, где и что.

Могу покататься на велосипеде,

но не буду,

скоро уже выезжать – через два часа.

Все меньше и меньше чувств, все меньше скуки —

а без скуки и писать не хочется.

Я оставляю все это здесь —

и буду думать потом и скучать,

но сам движусь дальше.

Отпускаю...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.